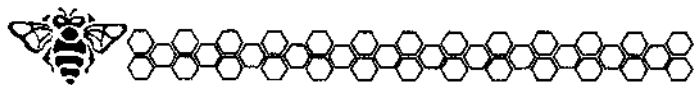

STUDIA HISTORICA

SERIES MINOR

А. А. ФОРМОЗОВ

ЧЕЛОВЕК И НАУКА
ИЗ ЗАПИСЕЙ АРХЕОЛОГА

ЗНАК
Москва
2005

99ББК63.4(2)

Ф 79

Формозов А. А.

Ф 79   **Человек и наука: Из записей археолога.** — М.: Знак, 2005. — 224 с. — (Studia historica. Series minor)

ISBN 5-9551-0059-8

Автор — археолог и историк — делится с читателями сложными проблемами, которые встают перед ученым, работающим в области гуманитарных наук. Они связаны с необходимостью учитывать человеческий фактор в процессе поисков истины и познания мира.

ББК 63.4(2)

ISBN 5-9551-0059-8

© А. А. Формозов, 2005
© Знак, 2005

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Как мы работаем: Положение дел в нашей первобытной археологии	13
Добросовестность и недобросовестность в науке	29
Полевые археологи	55
Состояние базы исследований	67
Смирение и дерзость в науке	81
Подмена жанра	97
«Смелая научная мысль»	111
Феномен «Синопсиса».	127
Ученый и власть	147
Научные школы, их плюсы и минусы	161
Как мы спорим	175
Выводы для себя	213
Список сокращений	223

ОТ АВТОРА

Жизнь идет к концу. Более пятидесяти лет прошло с тех пор, как я провел первые археологические разведки, напечатал первую заметку. Кое-что за эти годы я сделал. Мои книги и статьи о каменном и бронзовом веке, о первобытном искусстве и на историографические темы цитируют в литературе достаточно часто. Но вот взаимопонимания с коллегами у меня обычно не возникало. Уж очень по-разному смотрели мы на нашу работу. Может быть, на прощание не лишним будет объясниться.

Мой отец был зоологом, профессором Московского университета, мать — геохимиком, сотрудником Академии наук. От родителей я воспринял идею служения науке и культуре, столь характерную для русской интеллигенции XIX века. Представления, с которыми в 1946 году я пришел на исторический факультет Московского университета, а в 1951-м — в академический Институт истории материальной культуры, подверглись жестокому испытанию при столкновении с реальной действительностью. Вместо храма науки я видел то заурядную контору (начальник, подчиненные, фавориты), то лавочку (я тебе — ты мне). Страдая от этого, я год от году отдалялся и от своих учителей, и от товарищей.

Сейчас учителя умерли. Мои сверстники радостно заняли их места. Подросла молодежь. Лучшие из нее открыто выражают недовольство окружающим. Я с ними согласен. Надо многое менять. Но с чего же начать? Одни полагают, что — с высокой теории, с выяснения того, где предмет, а где объект нашей науки. Другие призывают к формализации и математизации ее в надежде, что машины с легкостью решат вопросы, доводящие людей до отчаяния.

Я предпочитаю начать с определения возможностей человека. Все мы знаем, что наукой занимаются не боги и не бесстрастные механизмы, а обычные грешные люди. Людям же свойственно и заблуждаться и, увы, говорить неправду. Но напомнить об этом на заседании или в печати почитается верхом неприличия. Принято делать вид, будто все работают исключительно честно, добросовестно и ни при каких обстоятельствах не могут ошибаться. В итоге, ошибки укореняются, ложь утверждается, а наука все дальше отклоняется от своей цели — постижения истины. Вот об этом мне и хочется потолковать.

Сейчас во всем мире ученые поняли, какую огромную роль в процессе познания играет личность исследователя. Даже у одинаково опытных химиков, пользующихся одинаковым набором реактивов, реакция идет по-разному. Нашего брата гуманитария это касается в еще большей мере.

Три археолога раскапывают три стоянки одного типа. Первый небрежен и неумел и потому не заметил остатков жилищ. Второй — их не пропустил, но, будучи человеком увлекающимся, дал совершенно фантастические реконструкции древних домов. Третий — вел

раскопки предельно тщательно, и его выводы всегда основаны на фактах, точно зафиксированных в поле. Можно ли сопоставлять добытые материалы без учета личных особенностей раскопщиков? У нас стараются об этом не думать.

В мои студенческие годы о науке говорили и писали очень много. То был период «борьбы за приоритеты», утверждения всюду и везде «одной, единственно правильной точки зрения». Ученые должны были выявить ее, а в дальнейшем, следуя ей неукоснительно, не допускать развития каких-либо иных теорий. Выходившая тогда литература по истории науки наделяла своих героев иконописными чертами. Они все знали заранее, уверенно продвигались вперед и без колебаний извлекали при опытах желанную абсолютную истину. Разрешалось им лишь небольшое чудачество: например, в биографии А. М. Бутлерова позволительно было упомянуть про его любовь к пчеловодству, но отнюдь не о занятиях спиритизмом.

Даже меня, зеленого юнца, раздражали эти фальшивые схемы, и я настойчиво искал на полках библиотек правдивые книги об ученых, об их нелегком пути, их поражениях, нередко более важных, чем победы, и победах, зачастую оказавшихся пирровыми. Мне очень понравились «Охотники за микробами» Поля де Крюи. Но там рассказывалось о биологах, а не о моих коллегах-гуманитариях. Все позднейшие издания — а теперь у нас немало и хороших русских книг — тоже посвящены преимущественно представителям точных и естественных дисциплин.

Так зародилась у меня дерзкая мысль самому написать книгу о науке и ее работниках, максимально честно,

где познание мира будет выглядеть не священнодействием олимпийцев, а очень человеческим делом. Ведь на каждом шагу я видел, насколько отражаются на исследованиях разные «слишком человеческие» свойства — приверженность к традициям (безразлично — школы или страны) и боязнь нового или, наоборот, бездумная погоня за модой, насколько полученный результат искажают совершенно сторонние соображения. Сплошь и рядом я убеждался, что красивые легенды для людей дороже суровой истины. Я понял, что в науке, как и в искусстве, огромную роль играет условность — и в трудном для усвоения жаргонном языке отдельных дисциплин, и в молчаливой договоренности специалистов считать какие-то моменты бесспорными и наиболее существенными, а какие-то малозначащими, хотя в действительности все обстоит не так просто. Короче, я мечтал показать научное творчество во всей его сложности и противоречивости.

Довести задуманное до конца я, очевидно, не смогу. Вряд ли задача мне по силам, но ничего в этом роде за истекшие годы в печати не появилось. Поэтому, возможно, для кого-то небесполезны будут мои беглые заметки, отрывочные очерки, связанные между собой общим восприятием темы.

Вспомнив о чувстве протеста, вызванном во мне установками сороковых годов XX века, я ни в коей мере не хочу изобразить себя прозорливее, чем был на самом деле. Эпоха влияла на всех, тем паче на молодежь, едва успевающую познакомиться с азами науки. Мне, как и моим сверстникам, было привито пренебрежение к «фактографии», к скрупулезному анализу конкретного материала, стремление к обобщениям широчайшего охвата, вне за-

висимости от того, есть для них основания или нет. Поэтому я умышленно задержусь на ситуациях, понимание которых пришло ко мне не сразу, а после долгих раздумий, сомнений и борьбы с самим собой.

***

В книгу вошли записи 1967—1987 годов. С тех пор в нашей стране многое изменилось. Что-то в лучшую сторону, что-то — в худшую. Снят идеологический пресс. Но почти прекратилось финансирование науки, как экспедиционных, так и лабораторных исследований, а особенно издательской деятельности. Ученые мечутся в поисках случайных заработков. Это, однако, не снимает проблемы, поставленной в книге. Человеческая природа все та же. Более того, в новых условиях корыстное, потребительское отношение к науке даже усилилось. Вот почему я считаю возможным предложить сегодня читателям свой старый текст без купюр и поправок.

В первом варианте книги было три части: 1. Как мы работаем; 2. Рассказы об ученых; 3. Из собственного опыта. Здесь печатается первая часть. Вторая — готовится к изданию в Курске.

КАК МЫ РАБОТАЕМ: ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В НАШЕЙ ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Археологи, как известно, ведут раскопки и выкапывают из земли погребенные в ней древние предметы — орудия труда, бытовую утварь, оружие, остатки жилищ и средств сообщения и т. д., и т. п. В былые времена эти вещи вытаскивали на свет божий из чистого любопытства, чтобы увидеть воочию, как одевались, из каких сосудов пили вино, какими мечами сражались гомеровские греки, викинги или славяне. Лучшими считались изящные, внешне эффектные находки. Росписной чернофигурной вазе всегда отдавалось предпочтение перед горшком, грубо вылепленным от руки. Сейчас антикварный, кладонскательский подход к археологическому материалу во всем мире признан ошибочным, устаревшим. Ценны не красивые безделушки, сколь бы почтенный возраст они ни имели, а исторические выводы, которые можно получить при изучении археологических коллекций. Не в том суть, что ты выкопал, а в том, что благодаря твоим раскопкам удастся понять в далеком прошлом. «Древности» — не диковинка, не раритет, а один из исторических источников. С этим, наверное, все согласится. Сложность в другом — как извлечь из вещественных источников обоснованные исторические выводы.

Бывают, разумеется, простейшие случаи. Когда где-нибудь около Рязани мы найдем римские монеты, впол-

не надежным будет вывод, что обитатели долины Оки торговали в начале нашей эры с южными областями, откуда на север и попали римские денарии.

Кости домашних животных на стоянке заставляют отнести ее к стадии производящего, а не присваивающего хозяйства. По обнаруженным на городище беспорядочно разбросанным скелетам людей, убитых стрелами, не похожими на оружие его жителей, можно заключить, что оно было взято врагами, а потом уже не возродилось.

Но встают перед нами и менее легкие вопросы: какому народу принадлежало поселение или кладбище, каков был социальный строй людей, живших на стоянке или городище, о чем они думали, мечтали, во что верили? Несложный силлогизм — найдено то-то, следовательно, было то-то — здесь не пригоден. Заслуживающие внимания ответы возникают лишь в итоге анализа многих разнородных источников, их сопоставления и взаимной проверки. Порою же ответить вообще невозможно.

И досаднее всего, что мы скорее задавлены обилием материалов, чем страдаем от их недостатка. В ходе раскопок вокруг нас вырастают горы кремней, черепков, костей. На чертежах появляются планы кострищ, разрезы землянок. После длительной разборки экспедиционных материалов в лаборатории составляется их детальное описание. Из публикации, уснащенной рисунками и графиками, читатель узнает, что коллекция со стоянки содержит, скажем, 35 кремневых наконечников стрел (из них листовидных — 18, черешковых — 2, с выемкой в основании — 12, с прямым основанием — 3), 88 скребков (из них концевых на ножевидных пластин-

ках — 15, округлых на отщепах — 53, удлиненных на отщепах — 20), 14 резцов (из них угловых — 3, боковых — 5, на углу сломанной пластинки — 4, многофасеточных, близких к полиэдрическим — 2) и т. д. Черепки описывают еще подробнее: отмечают примеси к тесту керамики (фрагментов с дресвой — столько-то, с толченой раковинной — столько-то, с шамотом — столько-то...), вплоть до деталей характеризуют формы сосудов (круглодонные, плоскодонные, узкогорлые, широкогорлые, с уступом на плечике, с ленточными ручками, с полушарными ручками и т. д.). Тщательно классифицируется орнамент на горшках — и те приемы, какими он нанесен (прочерченный, штампованный, лепной, росписной), и разнообразные мотивы его (треугольники, меандры, ромбы, спирали...). Затем последуют определения собранных на поселении костей животных, таблицы с указанием количества костей каждого вида и числа особей, процента диких и домашних форм, соображения зоологов о породах скота. Находят при раскопках и вещи из бронзы. Тогда анализируют состав их металла, химический и спектральный, а самим орудиям отыскивают аналогии в созданных ранее типологических схемах.

Чем моложе памятник, изучающийся археологами, тем больше категорий предметов вынимают они из земли, и тем больше узнаем мы об изделиях, изготовлявшихся и использовавшихся нашими предками. Стекло — сколько можно рассказать о нем одном! Украшения, монеты...

И вот раскопкам захудалой деревушки или маленького кладбища, даже не очень значительным по объему, посвящается целый том, а то и два-три тома. Фактов в них уйма, но напрасно вы будете ждать от книги ответа на все интересующие вас вопросы. Да и как ответить?

Ну хорошо, выкопано 88 скребков трех типов, а как отсюда перекинуть мост к племенной или языковой принадлежности людей, сдиравших скребками мездру? Да, горшки типа В преобладают над другими, черепков с примесью шамота — три пятых, а с примесью ракушки — две пятых от общего числа. Но разве это помогает реконструировать социальный строй жителей поселка? И, установив до долей процента состав древнего металла, пойдем ли мы, о чем думали те, кто отливал и носил бронзовые браслеты?

Вспоминается шуточная загадка: в доме — 6 этажей, 3 подъезда, 120 окон, 280 жильцов, среди них 153 женщины и 127 мужчин — спрашивается: как зовут сына дворника? Данных сообщено немало, но, на беду, совсем не они нужны для ответа на загадку.

Людам, далеким от археологии, кажется, что самое трудное — найти подходящее место для раскопок. Не раз с недоумением спрашивали меня, почему и как нам это удастся? Между тем здесь-то особых сложностей нет. Недаром первоклассные находки зачастую достаются на долю полутрамотных краеведов. Главная трудность в другом — в превращении извлеченных из земли остатков материальной культуры в полноценный источник сведений о разных сторонах жизни человека в далеком прошлом.

На эту коллизию мои коллеги реагируют неодинаково, в соответствии со своими вкусами и жизненными установками.

Многих привлекает прежде всего романтическая полевая сторона дела: поиски новых стоянок в тайге и пустыне, палатки и ночи у костра, раскопки в погоне за эффектными находками. Заниматься тщательной разборкой

добытых коллекций, их описанием и классификацией так археологи не любят, ограничиваясь краткими отчетами, публикацией отдельных красивых вещей, историческими выводами, не имеющими серьезного обоснования. Поскольку ряд районов, в частности в пределах нашей страны, обследован еще недостаточно, известный интерес вызывает почти каждый вновь обнаруженный пункт. К тому же и широкой аудитории любопытнее всего именно рассказы о путешествиях и открытиях. Поэтому полевые археологи (смотри о них ниже особый очерк) пользуются наибольшей популярностью.

Но их подход к своей специальности, в сущности, отражает уже пройденный этап в развитии нашей науки. Что же касается их выводов, то это обычно лишь вариации привычных схем, не раз применявшихся при интерпретации памятников близкого типа — т.е. нечто, недорого стоящее.

Вторая группа ученых гораздо академичней. Представители ее считают подлинно научным в археологии только то, что надежно установлено в процессе раскопок (последовательность залегания слоев, отличающихся друг от друга по типу находок, характер жилищ, могил, погребального обряда) или путем анализа древних вещей (приемы их изготовления, эволюция их форм на протяжении веков). Все прочее — реконструкция социального строя, определение этнической принадлежности обитателей стоянок — воспринимается подчас как область беспочвенных фантазий, а то и низкопробных спекуляций. Археологи-классификаторы, мастерски владеющие материалом, умеющие найти место тому или иному предмету и в хронологической колонке древностей, и в пространстве, менее популярны, чем полевые,

хотя польза для науки от них никак не меньше. И все же этим людям не стоит третировать социологическое и историко-культурное направления той же науки. Как никак нашим читателям хочется знать не о частностях (сколько типов глиняных горшков было у жителей данного района пять тысяч лет назад или каким образом шлифовали каменные топоры), а о вопросах общих, мировоззренческих: как произошел человек, как возникли искусство, государство, народы, живущие сейчас.

Да, мы обязаны досконально знать древние вещи, но это далеко не все. Передо мною стоит чернильница. При желании ей можно посвятить добрый десяток статей. О ее месте в типологическом ряду чернильниц России и Западной Европы. О ее дате на основе типологии и хронологии чернильниц. О составе ее стекла. О способе ее изготовления. Об осадке на ее дне и т. д. Каждый опус потребовал бы солидных знаний, тонкой наблюдательности и изобретательности. И все же никому не удалось бы разгадать, про что думал хозяин чернильницы, макая в нее перо. Если подробно рассмотреть все, чем моя квартира обросла за полвека, страницы археологической периодики заполнились бы на столь же долгий срок. Но главное в жизни обитающей в квартире семьи не было бы раскрыто. Не говорю уже о жизни людей того же времени в целом. Любой предмет практически неисчерпаем, и углубляться в него можно до бесконечности. Но, углубляясь непрерывно в одном и том же направлении, мы постигаем сущность предмета не полнее, а раз от разу одностороннее. Боюсь, что мои коллеги не всегда учитывают эту опасность.

Третья группа археологов тяготеет к синтезу, интересуется большими историческими проблемами. Для то-

го, чтобы их всерьез разрабатывать, надо не только владеть методикой раскопок и держать в памяти множество типов древних вещей, но и обладать глубокими знаниями в области этнографии, истории культуры, социологии, языковедения, философии. Использование достижений этих разнохарактерных наук в комплексе крайне желательно, но и очень непросто. Представители этой группы ученых нередко недооценивают фактографическое направление в археологии и чисто потребительски подходят к материалам этнографов или лингвистов.

Имеется, к примеру, богатейший запас сведений, собранных этнографами, о племенах, стоящих на ранних стадиях культурного развития, живущих еще в каменном веке, накануне земледелия или едва освоивших его. Записаны легенды и мифы этих народов, изучены их обряды, танцы, пантомимы, так что жизнь части первобытного человечества характеризуется относительно полно. Казалось бы, благодаря этому удастся, если не решать, то, по крайней мере, исследовать кардинальные вопросы истории первобытной культуры. Но сразу возникает сомнение: а типичны ли явления, отмеченные в XIX столетии в жарком поясе у племен, испытавших влияние европейцев, для каменного века всей планеты, включая и население Русской равнины ледникового периода за тридцать тысяч лет до наших дней, или только для Австралии и Африки? Орудия или другие черты материальной культуры двух народов могут быть тождественны, тогда как социальный уклад, мировоззрение этих народов ни в чем не похожи. Подбирая из огромной кладовой этнографических фактов единичные аналогии к жилищам или обрядам, прослеженным при раскопках, мы достигнем немногого. В этой кладовой можно найти все что угодно.